Дэниел закончил разговор с Эшем спустя еще несколько слов. Мысли постепенно успокоились. Или, может быть, это просто остывала кровь?

Так или иначе, он почувствовал, как внутри становится тише.

Ответственность за то, что он не довел гонку против Серджио до конца и не победил, лежала на нем как на пилоте. Но сердце, заблудившееся в болоте беспричинного самоуничижения, наконец ухватилось за веревку и поднялось.

Он дрогнул и упал. Упал в это болото. Но сожалеть о проваленной гонке было бессмысленно.

Больше он не должен туда возвращаться.

С тихо вернувшейся решимостью взгляд Дэниела вспыхнул, как свеча. Свет мести и искупления.

В тот вечер во Франции, в своем жилье, Дэниел распаковал вещи и позвонил Алеку. Для этого ему пришлось собрать волю, и он даже поел как следует, тщательно выстраивая слова.

Но Алек не ответил.

«Занят, значит».

Неожиданный звонок — это было логично.

Дэниел слушал гудки, но в итоге, когда включилась голосовая почта, сбросил. Он был уверен, что Алек перезвонит, и только теперь понял, что ошибся.

«Может, оставить голосовое?»

Это был вариант, но он не подходил для извинений. Ему не хотелось просто вываливать слова — он хотел услышать голос Алека и поговорить.

Дэниел оставил сообщение с просьбой перезвонить, уверенный, что тот не станет игнорировать его даже при занятости.

Но ожидание оказалось напрасным — ни на следующий день, ни через день звонка не последовало. На сообщение тоже не ответили.

Весь вторник и среду Дэниел ждал, как посетитель парка аттракционов на рассвете, но все было безрезультатно.

[На Гран-при Франции на трассе Поль-Рикар господин Дэниел занимает 2-е место!]

[Господин Серджио финиширует 3-м. Господин Марсель пересекает линию 4-м, повторяя результат прошлого Гран-при!]

[Onyx Featherway может обойти McLaren в Кубке конструкторов, если возьмет еще два очка на следующем этапе!]

Даже при довольно впечатляющем результате все оставалось прежним.

Готовясь к предстоящему Гран-при Венгрии, Дэниел молча смотрел на подарок, который так и не убрал в чемодан. Это было шампанское для поздравления? От этого щипало в носу.

«Он ведь не будет игнорировать меня вечно, правда?»

Хотелось верить, что нет, но было трудно понять — это вера или самообман.

«Даже не хватает его раздражающего тона… странно».

Дэниел осторожно поставил пакет с подарком на чемодан, который собирался взять с собой утром. Он положил его бережно, стараясь не помять. Несколько раз взял телефон и снова отложил, пока наконец не выпустил его из рук с тяжёлым вздохом.

Алек Уокер всю жизнь удерживал преимущество в любых отношениях.

«Легко» здесь не подходило. Речь не шла о сложности. С самого детства родственники видели в нём денежный мешок и цеплялись, как пиявки; одноклассники тянулись, учуяв слухи; случайные знакомые говорили одно и то же.

— Я не отниму у тебя много времени. Давай просто пообщаемся.

— Побудь «с нами» немного. Поешь, поговори, сблизься. Удели мне внимание, пока мы рядом… Похожие просьбы.

Сколько бы ни делили единицу, она никогда не превращается в ноль. Время Алека понемногу откусывали, не давая ничего взамен. Личные встречи были бессмысленны. Он установил правило: не больше пятнадцати минут на одного человека.

Но это правило рухнуло в тот день, когда он встретил Дэниела Линдберга, и стало искрой, которая свела его с ума.

Алек мог бы поклясться, что потратил на Дэниела Линдберга больше времени, чем на кого-либо в своей жизни. Дэниел был как тщательно возведённая башня. Алек перестраивал расписание, даже приехал на незапланированный Гран-при Испании, ужинал, спорил и всё равно оставался на трассе, глотая злость.

После аварии, узнав о сотрясении, Алек без раздумий примчался в больницу. Времени думать не было. Он запер ярость, бурлившую перед гонкой, придавил её силой. И всё же.

— Я знаю. Но это бесит. Ты постоянно бросаешь мне вещи, из-за которых я теряю концентрацию. Звонишь в любое время суток, врываешься в моё пространство, цепляешь меня. В чём твоя проблема? Я тебе что, ксилофон? Ты бьёшь по мне, чтобы проверить, зазвучит ли? Я живу по режиму и сосредотачиваюсь на том, что уже задано. Позволь спросить — это вообще нормальная среда, которую ты, как спонсор, можешь обеспечить?

Это было похоже на холодную пощёчину.

Этот дикий конь слушался, если ему давали морковь, но лягался, стоило попытаться его приручить. И всё же — должен ли он быть благодарен за то, что Дэниел не игнорировал его так же, как при разговоре о брате?

В тот момент монстр, пытавшийся вырваться наружу, всё-таки добился своего. Базовая эмоция, притаившаяся на дне ящика Пандоры, пустила корни в сердце Алека.

«Хорошо. Ты мне интересен. Я признаю, я был навязчивым. Но разве это настолько

оскорбительно? Ты ведь тоже не провёл чётких границ. Ты сам сделал первый шаг. Ты улыбнулся, предложил спонсорство. Ты не обозначил рамки. Когда ты назвал меня Алеком и пристегнулся рядом со мной, я решил, что между нами есть невидимое соглашение. Пункт, позволяющий быть друг к другу чуть мягче».

Но ни один из этих ответов, ни одно обвинение так и не было произнесено вслух.

Потому что он был пациентом?

Нет. Потому что он был Дэниелом Линдбергом.

Его ударило осознанием, как молнией.

Возможно, он никогда не сможет взять верх над Дэниелом Линдбергом. Универсальное правило о том, что проигрывает влюбляющийся первым, раздавило его личную систему координат. Впервые он оказался в стане слабых.

Это было несправедливо.

Алек уже заплатил достаточно за победы Дэниела. Он не собирался становиться идиотом, который отдаёт всё ради слабой привязанности.

Позволить кому-то взять над собой верх?

Он никогда даже не рассматривал этого.

Для человека, который не хотел тратить ни минуты своей жизни на поражение, мысль о том, что любовь приносит и боль, и счастье, была неприемлемой формулой.

Глядя, как Дэниел упрямо садится в машину, будто настаивая на том, чтобы справляться самому, Алек дрожал от отвратительной ярости.

Он не помнил, как вышел из отделения неотложной помощи. Помнил только, как оказался в курилке больницы, достал сигаретницу. Зажигалка не сработала с первого раза. Не выдержав раздражения, он швырнул её дрожащей рукой.

«Ты считаешь меня шуткой».

Спутанная ярость в груди разрушала всё. Унижение сковывало тело, не давая двигаться.

Он был спонсором, платящим астрономические суммы; Дэниел — всего лишь пилот команды. Если только он не собирался всё закончить, как мог говорить подобное?

Мало кто понимал скрытый вызов в этих взглядах и словах так же хорошо, как Алек. Это напоминало сотрудника, врывающегося в офис, готового высказаться перед увольнением.

Абсурд заключался в том, что даже сейчас Алек не мог пригрозить прекращением поддержки.

В тот момент, когда он использует деньги, чтобы продавить эту едва намеченную границу, всё действительно закончится. После всех усилий, затраченных на то, чтобы построить эту башню, неужели он позволит ей рухнуть?

Эта проклятая вспыльчивость — клятва исправить её когда-нибудь была такой же детской, как гордость влюблённого, уверяющего, что он сам первым всё завершит.

Спустя несколько часов отчёт Мартина о проблемах между Дэниелом и менеджером заставил Алека усмехнуться.

«Вот видишь. Я же говорил».

Но даже насмешка над ошибкой Дэниела не приносила удовлетворения. В груди ощущалась тяжесть, будто от засора в трубе.

Злость поднималась снова и снова. Как бы он ни прокручивал всё в голове, вывод оставался один. Почему он единственный, кто так это чувствует?

— Повтори ещё раз.

[Не рычи так, страшно.]

Даже его уверенность в том, что больше ничего не произойдёт, рухнула на следующий день.

Шум в аэропорту был невозможен для такого места. Мика отвечал с явным раздражением.

[Господин Дэниел сейчас разговаривает по телефону. Отошёл ответить на звонок господина Эша, пока мы были в магазине. Похоже, разговор серьёзный.]

— …Он был в магазине?

[Да? Ага, сказал, что купил солнцезащитные очки в подарок.]

— Кто такой Эш?

[Эй! Ты что, не знаешь? Пилот прошлого чемпионата, номер один! Трёхкратный чемпион мира! Ты вообще не имеешь права говорить, что ты спонсор команды Формулы-1!]

— Я не в буквальном смысле. Чёрт… он что, был на шопинге?

Пока я тут сгораю из-за него, он ходит по магазинам?

В голове будто всё было вмято ударами предательств. После разговора Алек долго не мог произнести ни слова.

Как это назвать? Разочарование? Предательство?

Шея, откинутая на спинку кресла, дёрнулась, обрисовав изящную линию. Дыхание стало тяжёлым. Ярость подступила к горлу, а затем резко схлынула, оставив пустоту. В груди клубилось нечто неясное, как воронка.

Полный беспорядок. Я тут звоню Мике, как шпион, чтобы проверить его, а он спокойно ходит по магазинам.

Яркое, уродливое воображение Алека не отпускало.

Представлять, как Дэниел неловко вручает подарок, подталкивает человека открыть его и ждёт реакции — было мучительно. Как тогда, когда он скрывал имя своего собеседника за ужином и потом повесил трубку; ощущение было таким, будто ему вскрыли живот и всё вывалилось наружу.

Дэниел, который ставит на Формулу-1 всю свою жизнь, покупает подарок прямо во время Гран-при? Я даже не знал, что у него есть кто-то подобный.

Алек мысленно бил того, кому предназначался подарок, но это не приносило облегчения — только самоненависть. Кто бы это ни был, он хотел бы стереть его с лица земли, как только узнает.

Слова, которые он не мог произнести, кипели внутри, жалко переполняя его. В ситуации, которая уже соперничала за звание самого унизительного момента его жизни, он не мог опуститься ещё ниже. Игнорируя звонки Дэниела, Алек перевёл телефон в беззвучный режим.

Две недели пролетели незаметно.

Пока Дэниел Линдберг успешно выступал на Гран-при Франции и Венгрии, Алек игнорировал все его звонки.

Когда пришло сообщение с просьбой перезвонить, как только будет время, его на мгновение встряхнуло, но сама мысль о разговоре убила желание отвечать.

— Почему ты не ответил?

— Разве мы оба не устали слышать друг друга?

Забудь. Алек опёрся о перила палубы и затянулся сигаретой.

Он никогда не считал отношения сложными. Люди обычно подстраивались под него сами, и ему никогда не приходилось ни за кого цепляться настолько, чтобы терпеть. Так почему же с Дэниелом всё так трудно?

Сначала кажется, что он у тебя в руках, а в следующий момент его уже нет.

Круизный лайнер рассекал волны, уверенно держась в море. Под палящим солнцем вода сначала темнела, затем становилась глубокого синего цвета, почти бездной, успокаивая пассажиров.

Ветер, касавшийся ушей, был свежим и распутывал узлы в голове. Даже беспокойные мысли немного стихали, когда он смотрел на море.

Конечно, он поднялся на этот 220-тысячетонный лайнер не ради душевного покоя, но возможность хоть немного отдохнуть у воды была редкой удачей.

Роскошный круиз, отправлявшийся из Валенсии, с семью надводными и пятью подводными палубами, был похож на здание, плывущее боком по морю.

Остановки в Марселе, на Сицилии, Мальте и Санторини с последующим возвращением делали путешествие долгим даже по меркам круизов, но никто из пассажиров не был новичком в Средиземном море.

Среди миллионеров и знаменитостей, бросающих дротики под шампанское, Алек играл в бильярд скорее по обязанности и не мог заставить себя включиться в общение.

Он позволил им победить и отошёл в сторону.

http://bllate.org/book/17841/1739223